

THE PHENOMENON OF AXIOLOGICAL ENANTIOSEMY IN LEGAL DISCOURSE

Maria N. Fedulova

Military University of Ministry of Defense of the Russian Federation,
Bolshaya-Sadovaya str., 14, Moscow, 123001, Russia

Abstract. *The article is devoted to the effect of the evaluation factor in legal discourse. The evaluation factor is considered to be the central one providing the connection of conceptual (cultural-axiological) foundations with the communicative dynamics of discourse. Assessment can become an area of study of the complex mechanisms of the relationship between culture and pragmatics in human speech activity. Evaluation is considered to be an immanent factor of human social existence. Human life is impossible without an evaluative attitude to reality. In any sphere of life, a phenomenon, an event, an act are subjects to evaluation, all events are subject to correlation with the norms of social relations and culture. Assessment reflects a person's position in the system of social relations, his life attitudes: what he strives for, what he denies and what he treats neutrally.*

The examples of legal judicial polemics show, on the one hand, the central status of evaluation in the teleology of a speech act, and on the other hand, its high mobility and semantic independence. Evaluation needs, on the one hand, subject verification (factual justification), and on the other – moral justification (compliance with cultural norms). This relationship is observed with a high degree of clarity in the speech units of legal discourse (in texts, statements), where pragmatics and the general axiology of evaluation can come into conflict, forming the so-called semantic, or axiological, enantiosemy of legal discourse. There is an internal content asymmetry in the speech signs of discourse, which is actively used by the parties to the trial in the context of legal controversy in order to strengthen the semantic impact on the court. The judge makes the decisive final assessment.

The article may be of interest to specialists in the field of general linguistics, semiotics of discourse, communication theory, and researchers in the field of judicial rhetoric.

Keywords: legal discourse, informative saturation, axiology, evaluation, concept, semantic enantiosemy

For citation: Fedulova, M.N. (2022). The Phenomenon of Axiological Enantiosemy in Legal Discourse. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(1), pp. 44–55. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-44-55>

ФЕНОМЕН АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ЭНАНТИОСЕМИИ В ЮРИДИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ТЕКСТОВ СУДЕБНОЙ РИТОРИКИ)

М.Н. Федулова

Военный университет МО РФ,
ул. Б. Садовая, д.14, 123001, Москва, Россия

Аннотация. В статье исследуется действие фактора оценки в юридическом дискурсе. Фактор оценки рассматривается как центральный, обеспечивающий связь концептуальных (культурно-аксиологических) оснований с коммуникативной динамикой дискурса. Оценка может стать областью изучения сложных механизмов взаимосвязи культуры и прагматики в речевой деятельности человека.

Оценка рассматривается как имманентный фактор социального бытия человека. Жизнь человека невозможна без оценочного отношения к действительности. В любой сфере жизнедеятельности то или иное явление, событие, поступок подлежат оценке, все события подлежат соотносению с нормами общественных отношений и культурой. В оценке отражается позиция человека в системе общественных отношений, проявляются его жизненные установки: то, к чему он стремится, что он отрицает и то, к чему он относится нейтрально.

На примерах юридической судебной полемики показывается, с одной стороны, центральный статус оценки в телеологии речевого акта, а с другой стороны, – её высокая подвижность и семантическая несамостоятельность. Оценка нуждается, с одной стороны, в предметной верификации (в фактическом обосновании), а с другой – в нравственном оправдании (соответствии культурным нормам). Данная взаимосвязь с высокой степенью наглядности наблюдается в речевых единицах юридического дискурса (в текстах, высказываниях), где прагматика и общая аксиология оценки могут вступать в противоречие, образуя так называемую смысловую, или аксиологическую, энантиосемию юридического дискурса. В речевых знаках дискурса возникает внутренняя содержательная асимметрия, что активно используется сторонами судебного процесса в условиях юридической полемики с целью усиления смыслового воздействия на суд. Решающую заключительную оценку выносит судья.

Статья может быть интересна специалистам в области общего языкознания, семиотики дискурса, теории коммуникации, исследователям в области судебной риторики.

Ключевые слова: юридический дискурс, информативная насыщенность, аксиология, оценка, концепт, смысловая энантиосемия

Для цитирования: Федулова М.Н. (2022). Феномен аксиологической энантиосемии в юридическом дискурсе (по материалам текстов судебной риторики). *Филологические науки в МГИМО*. 8(1), С. 44–55. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-1-30-44-55>

Понятие «энантиосемия» в современной лингвистике

Феномен лексической энантиосемии уже давно наблюдается и изучается в современной лингвистике на материале различных языков. Этим термином обозначаются случаи лексической полисемии, в которых два лексико-семантических варианта одного и того же слова диаметрально расходятся в своём семантическом развитии и выражают противоположные значения. В Лингвистическом энциклопедическом словаре лексическая энантиосемия тракту-

ется как случай внутрисловной антонимии [8, с. 36]. Энантисемиа отмечается в таких словах, как: *запустить* (*запустить*₁ – дать старт какому-то делу, *запустить*₂ – допустить деградацию какого-то дела), *просмотреть* (*просмотреть*₁ – внимательно отнестись к наблюдению или чтению; *просмотреть*₂ – невнимательно отнестись к наблюдению или чтению), *занять* (*занять*₁ – дать кому-то в долг; *занять*₂ – взять у кого-то в долг) и т.д.

Энантисемиа рассматривается не только в синхроническом срезе, но исследуется также в диахронической ретроспективе. Так, в исследованиях по глубинной этимологии европейских языков с опорой на сравнительно-исторический метод выделяются символические или мифопоэтические антонимии в ряде обозначений животных, явлений природы, которые несут в себе как доброе, так и злое, пагубное начало. Так, *змея* (*snake*) в мифопоэтическом представлении индоевропейцев «была символом смерти и жизни» [11, с. 426], *камень* (*stone*) «мыслился как единство Внутреннего и Внешнего» [11, с. 451], *ворон* (*raven*) – «символ Огня и Солнца» и он же «символ Смерти и Разрушения» [11, с. 383]. На этом уровне рассмотрения могут выделяться различные коннотативные антонимии, касающиеся чувственной образной трактовки семантики некоторых словесных обозначений в индоевропейских языках.

На рубеже XX–XXI веков основной интерес лингвистики всё больше составляет не историческая или структурная метафизика языка, а смысловая феноменология речевого узуса в его частном и целостном понимании. «Нынешний этап развития лингвистики характеризуется поворотом от сущностной к феноменологической стороне языка» [5, с. 54]. В новых условиях понятие «энантисемиа» расширяет область своего терминологического применения. В последние годы в лингвистических исследованиях, относящихся к области дискурса, всё чаще можно встретить термины «смысловая энантисемиа», «концептуальная энантисемиа», «аксиологическая энантисемиа» [12], [9], [13], [14]. Под энантисемией этого уровня мыслится внутреннее смысловое противоречие в *речевом знаке*. Это противоречие обнаруживает себя в коммуникативной динамике знака между высшей концептуальной установкой и низшей прагматической установкой в нём.

Отметим, что под речевым знаком мы понимаем любую вербальную знаковую форму (словесное обозначение, высказывание, текст), способную выражать коммуникативное смысловое целеполагание (интенцию) и, параллельно, нести комплекс внешних дискурсивных ассоциаций, под которыми понимаются стилистические и социокультурные окраски и/или реминисценции к прецедентному дискурсивному узусу.

Смысловая энантисемиа имеет исключительно интерпретационную природу и характеризует разрушение или разрыв интерпретационной гармонии в речевом знаке [14, с. 167]. Всякая интерпретация имеет смысл лишь в отношении внешней обозначаемой ситуации (предметного нарратива). Без предметной опоры она – ничто. Здесь имеет место то, что А.Н. Леонтьев называл «опредмечиванием мотива» [10]. Предмет осмысливается, а смысл опредмечивается в речевом знаке. По мнению Л.С. Выготского и А.Н. Леонтьева именно оценка опосредует акт опредмечивания смысла [3], [10]. Осмысление в дискурсивной динамике речевого знака имеет две позиции: ближайшую прагматическую и высшую нравственную. Первая связана с коммуникативными целями высказывания, вторая – с высшей культурно-нравственной установкой дискурса. Именно между этими двумя смысловыми позициями может возникать противоречие, внутреннее несоответствие, вследствие чего страдает или искажается общая интерпретация предметного компонента в знаке, утрачиваются истинностные критерии интерпретации (прежде всего, это касается оценки). Следствием смысловой энантисемии являются самые разнообразные *асимметрии* между тремя содержательными компонентами речевого знака (предмет – оценка – концепт) в его коммуникативной динамике.

Учитывая трёхуровневую содержательную иерархию речевого знака (предмет – оценка – концепт), принципиальным образом могут выделяться два вида содержательной асимметрии: 1. низшая – субъективная, прагматическая, которая характеризуется истинностными параметрами, поскольку возникает в промежутке между обозначаемым предметом (предметной ситуацией) и оценкой. Прагматическая асимметрия характеризует несоответствие оценки обозначаемому

предмету, когда говорящим используется явно завышенная или заниженная оценка, эвфемизм или дисфемизм. Оценка неадекватна обозначаемому предмету (например, возьмём известные политические дисфемизмы *агрессия* и *аннексия*, при помощи которых западные политики характеризуют действия России в Крыму и в Донбассе). Неадекватная оценка неистинна, поскольку не верифицируется предметным компонентом; 2. высшая – концептуальная аксиологическая асимметрия, под которой понимается несоответствие выносимой прагматической оценки концептуально-нравственной установке дискурса (например, в судебной риторике стороны говорят исключительно с позиций СПРАВЕДЛИВОСТИ, преследуя при этом вполне прагматические цели; степень осуждения или степень оправдания поступка сторонами процесса в суде часто переходят грань адекватности) и которую мы, собственно, называем *смысловой* или *аксиологической энантиосемией*.

На бытовом уровне в психологии поведения человека подобная энантиосемия понимается как несоответствие ближайших субъективных целей высшим культурным и нравственным началам в жизни человека. Человек не может отказаться ни от того, ни от другого, он ищет смысловой компромисс между низким и высоким, прибегая к самым разнообразным средствам самооправдания, примирения одного с другим, сокрытия одного или выдвижения на первый план другого и т.д., создавая всё новые и новые асимметрии в порождаемом им речевом знаке.

Отметим, что оценка занимает центральное положение между предметным компонентом и концептом (концептуальной установкой дискурса) в речевом знаке: с одной стороны она ищет для себя предметной опоры (то есть истинностной верификации в обозначаемом предмете), с другой стороны – высшего нравственного оправдания, то есть соответствия концептуальной установке дискурса. Сама же она, как таковая, семантически наименее устойчивый компонент дискурса [1, с. 62, 73], [6, с. 99]. Но при этом она же – наиболее подвижный, наиболее экспрессивный и наиболее эффективный в плане смыслового воздействия содержательный компонент речевого знака. В этом можно видеть парадокс оценки и вместе с тем её высшее коммуникативное предназначение.

Отметим также, что благодаря смысловой энантиосемии (смысловым противоречиям между оценкой и концептом) речевой знак приобретает характерные манипулятивные свойства. Исследуя смысловую энантиосемию, мы исследуем *манипулятивный речевой знак* и, соответственно, манипулятивную форму коммуникативного речевого воздействия в дискурсе.

Наибольшей смысловой дифференциации (и, значит, наивысших манипулятивных свойств) оценка достигает в некоторых институциональных видах дискурса, в которых их концептуальная устойчивость сочетается с высокой смысловой коммуникативной подвижностью. Таковыми, в частности, могут считаться политический дискурс и судебный дискурс. В настоящей статье основное внимание будет уделено некоторым формам манипулятивного воздействия в судебном дискурсе.

Двойственность оценки в юридическом дискурсе

Институциональный характер юридического дискурса во многом обеспечивается тем, что концептосфера права в нём получает относительно строгое вербально-терминологическое закрепление. Формы вербальной репрезентации концептов в юридическом дискурсе – различные понятия и термины – располагаются в определённой иерархии, для которой в реальной практике их применения важен критерий их информативной насыщенности. Под информативной насыщенностью понимается предметное содержательное наполнение концепта и/или репрезентируемая в нём или посредством него совокупность подлежащих юридической оценке ситуаций, объектов.

Процесс оценки предметных ситуаций в юридическом дискурсе носит выраженный двойственный характер. С одной стороны, оценка действует как обычный фактор эмоционального речевого усиления с целью экспрессивного воздействия на адресата. Это – риторический аспект оценки, который особенно наглядно представлен в судебной риторике. С другой стороны, к оценке в юридическом дискурсе можно подходить с её концептуальной стороны, к которой применимо её максимально общее аксиологическое (в философском смысле), то есть нравственное по-

нимание. Нравственная аксиология оценки носит абсолютный и концептуальный характер, её можно назвать источником и критерием всякой речевой оценки. На этом уровне оценка мыслится как абстрактная социокультурная категория. В литературном или разговорном видах дискурса концепт как аксиологическая категория не поддаётся строгому однозначному определению. Он скорее работает как норма культурного восприятия и, как правило, в речевом узусе несёт чувственную окраску. Так, например, в коммуникативной практике юридического дискурса концепт СПРАВЕДЛИВОСТЬ воспринимается как на понятийном, так и на чувственном уровне. В одном случае мы говорим о понятии «справедливости», в другом – о чувстве «справедливости». Одно здесь неотделимо от другого. Именно в своём чувственном аспекте концепт действует как нравственная установка дискурса. Концепт в его дискурсивном статусе, необходимо объединяет в себе рациональное и иррациональное начала [14, с. 274].

В политическом дискурсе действие концепта нередко реализуется через культурно значимые архетипы – прецедентные исторические события (это могут быть литературные или фольклорные образы), вызывающие острую эмоциональную реакцию. Концепты НАРОД, ДЕМОКРАТИЯ, СВОБОДА, НАЦИОНАЛЬНОЕ ЕДИНСТВО в массовом сознании представлены конкретными историческими прецедентами. Политику нет необходимости вербализовать концепт буквально посредством использования высоких абстрактных терминов и понятий. Достаточно нарративно-го или метафорического упоминания культурно значимого исторического прецедента или простой ассоциации с ним, чтобы пробудить в адресате требуемую эмоциональную реакцию и оценку [6, с. 69–70]. Архетип является субституту концепта в речевой деятельности.

Так, в ряде стран на место традиционных названий партий приходят новые, в которых эксплуатируется семантика социокультурных и исторических архетипов, провоцирующих эмоциональную реакцию массового адресата: «*La Republique en marche*» («Вперёд, Республика» – французская политическая партия Э. Макрона), «*La France insoumise*» («Непокорённая Франция» – партия французских левых Ж.-Л. Меланшона), «*Podemos*» («Мы можем» – испанское левое политическое движение). Яркие эмоциональные номинации отвлекают внимание от прагматического аспекта деятельности политических партий. Их задача – вызвать позитивную эмоцию избирателя.

В юридическом дискурсе концептология оценки обычно носит приземлённый характер и выражается конкретными положениями и понятиями в статьях закона. Высшим дискурсивным статусом в юридическом дискурсе обладают концепты СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ПРАВО, ЛЕГИТИМНОСТЬ. Однако в конкретных законодательных актах эти концепты по большей части получают отрицательное закрепление. Так, например, в уголовном праве непосредственно указывается не то, что такое справедливость, право или законность, а то, что является несправедливым, неправомерным, нелегитимным, то есть указываются различные формы нарушения закона, а также наказание, которое может последовать за таким нарушением. Поэтому Г.В.Ф. Гегель высшим понятием права считал наказание (как форму восстановления справедливости). Наказание он называл способом и формой существования справедливости в государстве [4, с. 148].

Соответствие или несоответствие юридической норме – важный ориентир коммуникативной стратегии в юридическом дискурсе, с которым вполне осознанно соотносит свою речь говорящий (например, в судебной риторике). Высшая концептуальная оценка мыслится как объективное внешнее условие – начало и критерий всех профессиональных интерпретаций в юридическом дискурсе.

Концептуальные основания оценки чрезвычайно важны для её коммуникативного применения. Конечно, реальная оценка чаще всего скрывает свои концептуальные основания, непосредственно она обращена к предмету оценки. Мы больше обращаем внимание на видимую (референциальную), а не на скрытую (концептуальную) сторону оценки. Исследователи указывают на характерную двойственность оценки, которая вытекает из её обусловленности, с одной стороны, референцией к объекту, а с другой стороны, её связью с концептом [2, с. 13–14].

Таким образом, оценка оказывается своеобразным посредником между референциальной (предметной) и концептуальными сторонами речевого знака. При таком двойственном положении оценка, с одной стороны, выражающая субъективное мнение, а с другой, – отвечающая высшим

концептуальным нравственным критериям, характеризуется высокой смысловой и экспрессивной подвижностью. Связь двух сторон оценки – подвижной и устойчивой – становится характерной областью анализа случаев дискуссионной динамики юридического дискурса, различных ситуаций борьбы мнений, отстаивания правовой позиции в её противостоянии с другой позицией.

Для юридического дискурса характерно то, что концептуальная сторона оценки в нём существует, с одной стороны, как некое интуитивное основание, как чувственный источник смысла (например, чувство справедливости), с другой стороны, в виде конкретных законодательных правовых положений, терминов и понятий. Однако и в том, и в другом виде концепт может рассматриваться и как основание, и одновременно как результат смыслового сопряжения по критерию родства некоторого множества внешних обозначаемых ситуаций. Если одна ситуация подлежит данной оценке, то может быть и другая ситуация, попадающая под ту же оценку. На этом принципе в англоязычных странах формируется система так называемого прецедентного права. Оценка, а вместе с ней и концепт, стремится к материализации, к материальному воплощению в факте, в предмете мысли. Прецедентный (индуктивный) или умозрительный (дедуктивный) характер формирования концепта здесь не имеет значения. Важна верифицируемость концепта через фактический компонент.

Интерпретационная динамика содержательных факторов юридического дискурса

Для речевого знака в его коммуникативной динамике характерна глубокая дискурсивная импликация. Эксплицитное выражение одного из содержательных факторов дискурса подразумевает импликацию другого/других. Так, эксплицитное выражение оценки предполагает референцию к оцениваемому объекту, а также имплицитно концептуальный критерий, которому отвечает данная оценка в дискурсе. 1. Так, если высказывается оценочная номинация *«неверный муж»*, то это подразумевает определённую фактологию событий, позволяющих применять к ним такую оценку, а также общий концептуальный критерий супружеской верности/неверности, характерный для конкретного дискурса, для конкретной культуры. 2. Если высказывается прямая номинация объекта, то вслед за ней имплицитно потенциальная оценка и её концептуальный статус. Так, прямое описание последовательности действий обвиняемого без их эксплицитной оценки (если, например, адвокат или прокурор временно отказывается от выражения их оценки) может подводить под определённую юридическую квалификацию этих действий, которая будет отвечать норме закона. В этом случае мы чувствуем, «под какую статью» хочет подвести обвиняемого тот или иной участник процесса. Так, высказывание *«он часто встречается с женщинами»* не содержит оценки, но очевидно подразумевает определённую оценку, если речь идёт о женатом мужчине. 3. Эксплицитная апелляция к концепту, в свою очередь, подготавливает общую смысловую позицию восприятия предметного компонента и становится смысловой предпосылкой такого восприятия. Свои речи некоторые адвокаты и прокуроры начинают с апелляции к высоким понятиям нравственности и общественной морали, как бы заранее отвергая возможные обвинения в субъективизме и оправдывая отстаиваемую ими оценку и юридическую квалификацию событий. Ниже будут приведены примеры такого рода апелляций.

Какой бы фактор ни выдвигался на первый план, мы имплицитно чувствуем или догадываемся, куда клонится содержательное развитие речи адвоката или прокурора. В опыте судебной риторики юридического дискурса имплицитные переходы от фактора к фактору достаточно упорядочены, в силу чего этот дискурс характеризуется как институциональный. Многие вещи в нём, в плане содержательного развития его речевых фигур, пусть самым общим образом, *предугадываются*: мы достаточно быстро по первым моментам речи говорящего понимаем, к чему он клонит, на что намекает. Импликация провоцирует содержательную достройку речевого знака, что создаёт потенциальное основание для смысловой аксиологической энантиосемии, которая в силу всего сказанного может характеризоваться как интерпретационно-пресуппозитивный феномен.

Конечно, «голая», не подкреплённая фактами оценка встречается в судебном юридическом дискурсе. Так, надо сказать, она нередко встречается и в других дискурсах, например, политиче-

ском, где яркий образ, оценка нередко используются в целях политической манипуляции. Однако любая высказанная оценка побуждает к поиску фактов, точнее она побуждает к домысливанию, в чём, собственно, и состоит её манипулятивный эффект. «Связь предметного компонента и оценки и возникающая на этой основе предметно-смысловая асимметрия знака – важный ресурс аксиологической манипуляции в суде» [14, с. 21].

Собственно, в этой иерархии взаимоотношений содержательных факторов судебного юридического дискурса (предметного субстрата и смысловых компонентов речевого знака) и проявляет себя смысловая неустойчивость оценки, которая становится показателем внутренней смысловой асимметрии знака. За несоответствием оценки предмету скрывается несоответствие оценки концептуальным основаниям дискурса: прагматика оценки противоречит своим концептуальным основаниям. Неистинность оценки приводит к внутреннему смысловому расколу в ней.

Под концептуальной энантиосемией оценки, или аксиологической энантиосемией речевого знака, понимается внутреннее несоответствие друг другу высшей концептуальной и низшей прагматической сторон оценки, когда высокими словами прикрывается не всегда отвечающая предмету речи прагматика оценки. Подобные феномены активно изучаются на материале политического дискурса, где также часто можно встретить высокие слова, лозунги, яркие образы, используемые во вполне конкретных прагматических целях [6].

В юридическом дискурсе также нередко истинная квалификация события вызывает большие сложности. Прагматическая и концептуальная стороны оценки вступают в противоречие. Перед участниками судебной полемики стоят разные задачи: перед адвокатом – смягчить наказание, изменить квалификацию содеянного или оправдать подсудимого; задача прокурора – поддержать обвинение, повысить меру наказания. Каждый из них посредством оценок стремится подвести суд к вполне определённой квалификации рассматриваемого события. Судья на основе оценок, даваемых сторонами процесса, должен дать правильную оценку всем представленным сторонами доказательствам с точки зрения закона и вынести справедливое решение по делу.

Так, в качестве примера можно рассмотреть речь адвоката, выступающего в защиту подсудимой N*, обвиняемой в сбыте наркотического средства – маковой соломы, которую она вырастила на своём приусадебном участке¹ [18]. Прокурор просит суд признать виновной N* в совершении преступления и назначить соответствующее наказание.

Адвокат пытается убедить суд в несостоятельности предъявляемого обвинения и оправдать подсудимую. В начале своей речи он отвергает фактическую верификацию той оценки, которую предлагает прокурор на основании нарушения процессуальных норм сбора и представления доказательств, отсылая к соответствующему нормативно-правовому акту². Иначе говоря, адвокат «бьёт» по предметному основанию оценки. Адвокат просит суд признать представленные доказательства *«недопустимыми»*, а факты, изложенные в обвинении, *«недоказанными»*. При этом он обращается не к самому факту, а к социальной оценке порядка его предъявления суду. Последнее он ставит выше первого, апеллируя к общественному мнению: «Две проблемы всегда находятся на острие общественного мнения, связанного с порядком в стране – одна это преступность, и вторая это способы борьбы с преступностью и, если **общество может согласиться с неизбежным фактом наличия преступности**, то **общество никогда не согласится с незаконными способами борьбы с этой преступностью**». Этим своим заявлением адвокат создаёт концептуальную энантиосемию, позволяя себе слишком категоричное высказывание: «можно согласиться с фактом наличия преступности, но не с незаконными способами борьбы с преступностью».

При этом далее адвокат усиливает давление на сторону обвинения, стремясь выявить элементы смысловой энантиосемии в речи прокурора: *«государственным обвинителем руководит его служебное положение, но никак не гражданский долг и профессиональная честь»*. Свою же по-

¹ ст. 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества».

² Федеральный закон от 12.08.1995 №144-ФЗ (ред. 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности».

зицию адвокат считает нравственной. О своей роли в данном судебном процессе он говорит не как о формальной роли адвоката, задача которого защитить или оправдать обвиняемого, а как о долге человека, видящего несправедливость. Таким образом, он апеллирует к высшим концептуальным социально значимым ценностям: **«Сторона обвинения считает, что вина N* доказана, я же попытаюсь доказать обратное, но не в силу своего положения – защитника, адвоката, а только потому, что и материалы уголовного дела и многочисленные свидетели говорят о невиновности моего подзащитного, в инкриминируемых ей преступлениях»** [там же]. Таким образом, в позиции прокурора адвокат усматривает подчинение высшего концепта прагматике (служебной функции прокурора), а в своей позиции он усматривает подчинение выражаемой им оценки содеянного высшему концепту. Это нередко возникающая ситуация в суде.

Адвокат говорит не только по существу процесса, но далее позволяет себе также эмоциональную оценку речи прокурора. Речь прокурора он характеризует как **«... короткую, тусклую, несодержательную, неаргументированную, бездоказательную»**. Главный недостаток речи прокурора состоит в том, что ему **«... не удалось доказать в суде умысла N* на совершение инкриминируемых ей преступлений»** [там же]. Как известно, умысел или неосторожность относятся к субъективной стороне судебной оценки и являются обязательными элементами квалификации состава преступления. В данном случае преступление могло быть совершено умышленно, но прокурор ничего не сказал об умысле как о форме вины в своём обвинительном выступлении. Адвокат пользуется этим и даёт еще более категоричную оценку речи прокурора, заявляя, что **«обвинительная речь у прокурора отсутствует»**, так как там отсутствует доказательство вины обвиняемой, то есть по сути, нет состава преступления. Защитник называет поведение прокурора **«отказом от обвинения»**, **«отказом от состязательности в процессе»**³ [15]. В конце своей речи адвокат, имея в виду свою оправдательную позицию, говорит, что **приговор** в соответствии со ст. 297 УПК РФ **должен быть законным, обоснованным и справедливым**, то есть таким, каким его понимает адвокат [17], [18].

В данном процессе в речи адвоката чувствуется непропорциональное соотношение смыслового и концептуального компонентов. Он скрывает прагматику своей речи апелляцией к высшим ценностям (**гражданский долг, справедливость, норма закона**). В то же время ему не хватает фактических доказательств. При этом он стремится указать на смысловую подмену в речи прокурора. Общее сравнение речей прокурора и адвоката показало, что в них недостаточно присутствует нарративно-описательное представление предметных оснований оценки. При этом можно отметить, что адвокат в большей мере апеллирует к понятийно-терминологической форме концепта, делая отсылки к законодательным актам, непосредственно используя термины, закреплённые в законодательстве⁴.

В качестве ещё одного примера можно привести речь адвоката Y в защиту Z, обвиняемого по статье 210 УК РФ «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нём (ней)».

Свою речь адвокат начинает с обращения к участникам процесса, смысл которого заключается в том, что именно его позиция отражает объективное положение всех обстоятельств произошедшего и, следовательно, именно его позиция должна быть положена в основу справедливого решения по делу: **«Если сегодня здесь проходит действительно справедливое судебное разбирательство, в основе которого лежит исключительно Закон, я прошу вас прислушаться к моей речи, услышать её и дать объективную оценку тем доводам, которые будут мной изложены»** [18]. Адвокат в ходе судебного разбирательства доказывает, что вменение статьи 210 УК РФ ошибочно, деяние, совершённое обвиняемым Z, не соответствует диспозиции указанной статьи. От-

³ УПК РФ ст.15 «Состязательность сторон» (УПК РФ от 18.12.2001 №174 – ФЗ (ред. от 07.04.2020 с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020)).

⁴ Конституция РФ п.3 ст.123 «Принцип равноправия и состязательности сторон» Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020); УПК РФ ст.75 «Недопустимость доказательств», ст.297 «Законность, обоснованность и справедливость приговора» УПК РФ от 18.12.2001 №174 – ФЗ (ред. от 07.04.2020 с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020).

ветственность по ст. 210 УК РФ наступает за «создание преступного сообщества в целях совместного совершения тяжких преступлений либо руководство таким сообществом, а также участие в таком сообществе» [16].

Адвокат обращается к фактической стороне, пытаясь опровергнуть само событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления), а представленные доказательства признать недостоверными и недопустимыми, версию обвинения он называет «*корявой*», о чём и заявляет в судебном процессе. Адвокат подкрепляет своё заявление анализом показаний большого количества подозреваемых по делу и доказывает их противоречивость, основываясь на фактах. Основным аргументом является неконкретность и предположительный характер приводимых фактических обстоятельств. Оценка, по его словам, не может быть верифицируема такими фактами, как: «*неизвестный мужчина*», «*ещё один незнакомец*», «*неизвестно откуда появившимся*», «*также остаётся загадкой и то, что...*», «*кто-то с кем-то сел в какой-то автомобиль, принадлежащий кому-то*» и т.д. [18].

После перечисления и анализа показаний подозреваемых адвокат приступает к соотнесению своих выводов с требованиями законодательных актов, обращается к концептуальным основаниям выносимых оценок (Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950, Конституция РФ, УК РФ, УПК РФ, Постановления Пленума и др.), доказывая, что представленные обвинением доказательства не имеют юридической силы. Исходя из этого, адвокат заявляет о невинности обвиняемого Z.

Завершая свою речь, адвокат вспоминает знаменитую речь Мартина Лютера Кинга «I have a dream», перефразируя отдельные её фрагменты. Здесь можно видеть манипулятивную подмену прагматической оценки высокой концептуальной оценкой. Адвокат апеллирует к высокому в целях нравственного оправдания своей позиции, говорит о своих мечтах, призывая суд к соблюдению «высших ценностей»: «*однажды наше общество выздоровеет от правового нигилизма и будет жить под сенью Закона*», «*Закон будет защитой для людей доброй воли, и перестанет быть орудием «избранных» для угнетения людей*», «*наши дети будут верить в правосудие, а суд будет выше политической конъюнктуры или материальной зависимости. Там, в будущем, управлять судом будет только Закон*», «*справедливый и честный поступок будет нормой поведения, а не героическим поступком*» [18]. Призывая обратиться к высшим ценностям, адвокат подменяет непосредственную прагматическую оценку высокими концептуальными абстракциями, полагая, что такая яркая экспрессия не оставит места для реплик противоположной стороны процесса, произведёт на судей fasciniрующий эффект. В целом речь адвоката можно признать вполне манипулятивной, основанной на подмене конкретной оценки высокой абстрактной аксиологией.

Приведённые примеры показывают, что оценка является ключевым звеном между фактом (предметной опорой) и концептом (нравственным мотивом), она играет важную роль как смысловой фактор речи, но как таковая не обладает семантической самостоятельностью. Выражение оценки поддерживается теми или иными предметными обозначениями, предметным нарративом. Связь оценки и предметного компонента, с другой стороны, требует обратиться к поиску источника оценки, к тому, что лежит в основе оценивания и является нравственным оправданием оценки. Здесь открывается концептуальная сторона оценки, где она получает свой аксиологический статус.

Роль оценки можно назвать опосредующей, она опосредует связь концепта и предметного компонента. Все три содержательных компонента речевого знака – предметный компонент, оценка и высший концепт – составляют триаду дискурсивного понимания или триаду дискурсивно-юридической фигуры понимания. Фигура дискурса – имманентная содержательная вертикаль всякого обозначения в дискурсе [7].

Столкновение позиций сторон в судебной полемике – это, прежде всего, столкновение смыслов, в которой обнажается смысловая (аксиологическая) энантиосемия в позициях и в риторике сторон. Термин «энантиосемия» из области лексической семантики переходит в сферу дискурсивного анализа. Смысловая аксиологическая энантиосемия в судебной полемике связана не с

семантическим наполнением знака, а с его концептуальной обусловленностью. Она интенциональна и концептуальна одновременно.

В конкретных судебных процессах в роли концепта выступают те или иные юридические понятия (в уголовном законодательстве – те, которые относятся к сфере преступлений). Конкретный предметный нарратив (описывающий какой-либо поступок человека) подводится под юридическое понятие. Однако юридическая концептуализация поступка практически никогда не является однозначной. Нередко та или иная сторона может идти по пути «размывания» предметных оснований оценки с тем, чтобы девальвировать оценку противоположной стороны. Для этого, помимо конкретных действий, относящихся к самому событию преступления, в предметный контекст могут вовлекаться и учитываться характер, социальный статус и поведение человека, его жизненные взгляды, что может ослаблять или усиливать юридическую квалификацию поступка. Под знаком юридической квалификации в процессе судебной дискуссии сталкивается большое количество субъективных оценочных предикатов, характеризующих само событие, человека и его поступок – положительных со стороны защиты и отрицательных со стороны обвинения. Всё это создаёт весьма сложный комплекс понимания того, что совершил человек, какую юридическую оценку можно дать его деянию. На этой основе формируется внутренняя энантиосемия дискурсивного понимания обозначаемой реальности. Под знаком концепта модифицируется масштаб и способ юридической квалификации события (то, что называется мерой наказания). Таким образом, в судебной полемике мы можем наблюдать различные субъективные оценки под знаком одного концепта, то есть смысловую энантиосемию в собственном смысле слова – то, как она обнажается в полемике сторон.

Анализ примеров показывает, что информативная насыщенность выступлений участников процесса может быть разная. Для выполнения задач, стоящих перед участниками судебного процесса, необходимо соблюдать баланс между всеми тремя компонентами дискурсивной юридической фигуры понимания: между предметным компонентом (фактическими обстоятельствами дела), оценкой и высшим концептом (положениями законодательных актов). Как мы видим, если один из компонентов слабо выражен (как это было в речи прокурора в первом примере), то та или иная сторона стремится недостаточность одного компонента компенсировать за счёт усиления другого (например, недостаточность фактов – за счёт яркой оценки).

В основе речевой динамики юридического дискурса лежит оценка. В юридических текстах, а именно в текстах судебной риторики, эта динамика характеризуется контрастной направленностью. Каждая из сторон стремится убедить суд вынести нужное ей решение, противоположное для другой стороны. В этой динамике проявляет себя концептуальная энантиосемия юридического дискурса: если одна сторона стремится обосновать и усилить свою оценку, то другая сторона стремится ослабить или сделать несостоятельной оценку противоположной стороны.

Когнитивный анализ случаев аксиологической энантиосемии приближает нас к выявлению и объективному анализу параметров истинности и искренности оценки в юридическом дискурсе.

© М.Н. Федулова, 2022

Список литературы

1. Белых Е.Н. Прагматическое и концептуальное содержание оценки в политическом дискурсе (на материале турецкого языка): дисс. ... канд. филол. наук. М.: Военный Ун-т, 2019. 148 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / Е.М. Вольф. М., 1985. 246 с.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. Изд. 5, исправленное, М.: Издательство «Лабиринт». 1999. 352 с.
4. Гегель Г.-В.-Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель; перевод с немецкого. Москва: Мысль, 1990. 524 с. Текст: непосредственный.
5. Иванов Н.В. О началах феноменологической парадигмы в языкознании. // Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Вып. №5. Т.1. «Язык. Коммуникация. Перевод». Материалы XIV Межд. науч. конф. по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. Москва. ВУ (26 июня 2020 г.). М.: Изд. «Наука», 2020. С. 53–63.

6. Иванов Н.В., Погорецкая О.А. Феномен увлечения в политическом дискурсе (по итальянским примерам). Обучение, Язык и культура. 2021. 5(2): 9–21.
7. Иванов Н.В., Федулова М.Н. Фигура дискурса // Дискурс профессиональной коммуникации №1–3, 2019. с. 9–25.
8. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл.ред. В.Н.Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 683 с.
9. Литвинова Е.А. Эмоционально-оценочная энантиосемия / Е. А. Литвинова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. №2 (13). С.86–90. Тамбов: Грамота, 2012. Текст: непосредственный.
10. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
11. Маковский М.М. Большой этимологический словарь современного английского языка. Изд. 2-е, исп., доп. М.: Книжный Дом «Либроком», 2014. 528 с.
12. Маркасова Е.В. Риторическая энантиосемия в корпусе русского языка повседневного общения «Один речевой день» / Е.В. Маркасова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 7 (14), 2008. С. 352–356. Текст: непосредственный.
13. Мельничук В.А. Аксиологическая динамика русской лексики (конец XVIII – начало XXI вв.): автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук: специальность 10.02.01 / В. А. Мельничук. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, 2018. 23 с.
14. Федулова М.Н. Интерпретационная природа дискурса в социокультурном и коммуникационном измерениях (на материале английских и русских текстов судебной риторики): дисс. ... докт. филол. наук. М.: Военный Ун-т, 2020. 315 с.
15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
16. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 01.07.2021).
17. Уголовно-процессуальный кодекс РФ УПК РФ от 18.12.2001 №174 – ФЗ (ред. от 07.04.2020 с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2020), Собрание законодательства РФ 24 декабря 2001, №52 (ч.1).
18. Электронный ресурс – URL: <https://pravo163.ru/rech-zashhitnika-ob-opravdanii-podsudimogo-po-st-228-1-uk-rf/>

References

1. Belykh, E.N. *Pragmatischeskoe i kontseptual'noe sodержание otsenki v politicheskom diskurse (na materiale tureczkogo iazy'ka)* [Pragmatic and conceptual content of assessment in political discourse (based on the material of the Turkish language)]: Dis. ... kand. filol. nauk. M.: Voenny Un-t, 2019. 148 s.
2. Vol'f, E.M. *Funktsional'naya semantika otsenki* [Functional semantics of evaluation] / E.M. Vol'f. M., 1985. 246 s.
3. Vygotskiy, L.S. *Myshlenie i rech.* Izd. 5, ispravlennoe [Thinking and speech. Ed. 5, revised], M.: Izdatelstvo «Labirint». 1999. 352 s.
4. Gegel, G.-V.-F. *Filosofia prava* [Philosophy of Law] / G.V.F. Gegel; perevod s nemetskogo. Moskva: Mysl, 1990. 524 s.
5. Ivanov, N.V. O nachalakh fenomenologicheskoi paradigmy v iazykoznanii. [On the principles of the phenomenological paradigm in linguistics] // *Voенно-gumanitarny almanakh. Seriya «Lingvistika»*. Vyp. №5. T.1. «Iazyk. Kommunikatsiya. Perevod». Materialy XIV Mezhd. nauch. konf. po aktualnym problemam teorii iazyka i kommunikatsii. Moskva. VU (26 iyunia 2020 g.). M.: Izd. «Nauka», 2020. С. 53–63.
6. Ivanov, N.V., Pogoretskaia, O.A. *Fenomen uvlecheniya v politicheskom diskurse (po italianskim primeram)*. *Obuchenie, iazyk i kultura*. [The phenomenon of infatuation in political discourse (according to Italian examples) Education. Language and culture]. 2021. № 5(2). P. 9–21.
7. Ivanov, N.V., Fedulova, M.N. Figura diskursa [The figure of discourse] // *Diskurs professionalnoy kommunikatsii*, No 1–3, 2019. s. 9–25.
8. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic encyclopedic dictionary] / Gl.red. V.N.Iartseva. M.: Sov. entsiklopediya, 1990. 683 s.
9. Litvinova, E.A. Emotsionalno-otsenochnaia enantiosemyia [Emotional-evaluative enantiosemy] / E. A. Litvinova // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. №2 (13). S.86–90. Tambov: Gramota, 2012.
10. Leontev, A.N. *Deiatelnost. Soznanie. Lichnost*. [Activity. Conscience. Personality]. M.: Politizdat, 1975. 304 s.
11. Makovskiy, M.M. *Bolshoy etimologicheskii slovar sovremennogo angliyskogo iazyka*. Izd. 2-е, isp., dop. [Big etymological dictionary of modern English. 2nd edition]. M.: Knizhny Dom «Librokom», 2014. 528 s.
12. Markasova, E.V. Ritoricheskaia enantiosemyia v korpuse russkogo iazyka povsednevnogo obshheniya «Odn rechevoy den» [Rhetorical enantiosemy in the corpus of the Russian language of everyday communication “One speech day”] / E.V. Markasova // *Kompiuternaya lingvistika i intellektualnye tekhnologii*. Vyp. 7 (14). 2008. S. 352–356.
13. Melnichuk, V.A. *Aksiologicheskaya dinamika russkoy leksiki (konets XVIII – nachalo XXI vv.)*: avtoreferat na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk: specialnost' 10.02.01 [Axiological dynamics of Russian vocabulary (late XVIII - early XXI centuries): abstract for the degree of Candidate of Philological Sciences: specialty 10.02.01] / V. A. Melnichuk. Sankt-Peterburgskiy gosudarstvennyy universitet. Sankt-Peterburg, 2018. 23 s.
14. Fedulova, M.N. *Interpretatsionnaya priroda diskursa v sotsiokulturnom i kommunikatsionnom izmereniiakh (na materiale angliyskikh i russkikh tekstov sudebnoy ritoriki)* [The interpretative nature of discourse in socio-cultural and communicative dimensions (based on the material of English and Russian texts of judicial rhetoric)]: Dis. ... doкт. filol. nauk. M.: Voenny Un-t, 2020. 315 s.
15. Konstitutsiya Rossiyskoi Federatsii (priniata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izm., odobrenniiami v khode obshherossiyskogo golosovaniia 01.07.2020) [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote 12.12.1993 with Rev. approved in a nationwide vote 01.07.2020)].

16. Uголовny kodeks RF ot 13.06.1996 №63-FZ (red. ot 01.07.2021). [The criminal code of the Russian Federation from 13.06.1996 №63-FZ (ed. from 01.07.2021)].
17. Uголовno-processualny kodeks RF UPK RF ot 18.12.2001 №174 – FZ (red. ot 07.04.2020 s izm. i dop., vstup. v silu s 12.04.2020), Sобрание zakonodatelstva RF 24 dekabria 2001, №52 (ch.1). [Criminal procedure code of the Russian Federation dated 18.12.2001 n 174 – FZ (as amended on 07.04.2020 Rev. and EXT., joined. effective from 12.04.2020), Collection of Legislation of the Russian Federation on December 24, 2001, No. 52 (Part 1).].
18. Electronic resource, <https://pravo163.ru/rech-zashhitnika-ob-opravdanii-podsudimogo-po-st-228-1-uk-rf/>

Сведения об авторе:

Федулова Мария Николаевна – доктор филологических наук, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника 33 кафедры (английского языка (второго)) ФГКВОУ ВО «Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации (Россия, Москва). Сфера профессиональных и научных интересов: английский язык, юриспруденция. E-mail: mfedulova@mail.ru

About the author:

Maria N. Fedulova – Doctor of Philology, Candidate of Juridical Sciences, Associate professor, Military University of Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: the English language, jurisprudence. E-mail: mfedulova@mail.ru

* * *